

«ПОБОЛЬШЕ УВАЖЕНИЯ К КУЛЬТУРНЫМ ТРАДИЦИЯМ», ИЛИ «ХАОС И БЕСХОЗЯЙСТВЕННОЕ ВЕДЕНИЕ ДЕЛА»: НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ПЛАНЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ ПЕТРОГРАДА В 1917–1920 гг.

На основании малоизвестных архивных материалов анализируются нереализованные планы преобразования этнографических музеев Петрограда. Первый проект связан с деятельностью Совещания по вопросам музейного дела и охраны памятников, действовавшего весной – летом 1917 г. при Институте истории искусств. Второй – с работой Комиссии по объединению центральных музеев, действовавшей летом 1920 г. при АН. Данные дискуссии интересны как отражение этнографических концепций эпохи и свидетельство определенной преемственности между до и после революционной музееведческой мыслью.

Ключевые слова: музей; музеология; этнография; Н.М. Могилянский; А.А. Миллер; Л.Я. Штернберг.

Отдельные предметы и целые коллекции этнографического характера входили уже в собрание первого публичного музея России – петровской Кунсткамеры [1]. Через некоторое время после разделения ее универсальной коллекции на ряд специализированных музейных собраний этнографические материалы составили основу отдельного музея [2]. По итогам первой этнографической выставки, прошедшей в 1867 г. в московском Манеже, было сформировано собрание Дашковского музея – этнографического отдела Московских Публичного и Румянцевского музеев [3]. В проекте Русского музея императора Александра III, утвержденном в 1895 г., также предполагалось создание особого этнографического отдела [4]. Относительно небольшие этнографические собрания на протяжении XIX – начала XX в. формировались научными обществами и входили в состав универсальных музеев провинции [5]. Помимо сугубо научного фактора (развития этнографии как академической дисциплины) в развитии того, что условно можно было бы назвать этнографическим музееведением, значительную роль сыграл и фактор политический, имперский [6]. Коллекционирование и музеефикация этнографических предметов были элементами более общих практик символического картографирования имперского пространства и семиотики подчинения коренных народов, проживающих на присоединяемых территориях, определения границ славянского мира и визуализации его единства, сложного процесса формирования национального дискурса по принципу смысла как функции различения.

В условиях слабой концептуализации музеологии как особой научной дисциплины, во второй половине XIX в. вступившей в эмпирически-описательный период развития [7], проекты и планы музейного строительства, как реализованные, так и оставшиеся на бумаге, представляют существенный интерес не только для изучения собственно музеологической мысли, но и для верного понимания путей развития профильных дисциплин, использующих музейные предметы в качестве источников для собственного познания. Многочисленные проекты создания национального музея, разрабатывавшиеся в России XIX – начала XX в., и роль в них этнографических коллекций были детально проанализированы в исследовании С.В. Дмитриева [4]. В данной статье мы обратимся к чуть более позд-

нему периоду – революционной эпохе и первым послереволюционным годам (1917–1920 гг.), и на основании прежде не вводившихся в научный оборот архивных материалов попытаемся показать, как в это время периодически возникал весьма амбициозный проект создания единого этнографического музея Петрограда и как проходило его обсуждение.

Первое обращение к данной проблематике было связано с деятельностью Института истории искусств, основанного в 1912 г. в Петрограде по инициативе графа В.П. Зубова. 7 марта 1917 г. в помещении Института истории искусств было создано совещание деятелей искусства и науки по вопросу об организации ведомства искусств. По итогам совещания была составлена комиссия для разработки вопросов, относящихся к организации самостоятельного Ведомства изящных искусств. Ее работу решено было вести по семи подкомиссиям, одна из которых была посвящена музейному делу и охране памятников [8. Л. 105 об., 107 об.].

Активное участие в работе подкомиссии приняли два сотрудника Этнографического отдела Русского музея императора Александра III: А.А. Миллер и Н.М. Могилянский. Последний, с 1910 г. возглавлявший отдел, среди прочего, выступил и с докладом на тему «О музеях центральных (этнографии)» [9. Л. 60–70: Машинопись с поправкой. 11 апреля 1917 г.]. Обращение к этой проблематике связано было с обсуждавшейся на заседаниях подкомиссии проблемой унификации музейного дела страны и создания ряда научно организованных центральных музеев. Тот же Миллер, характеризуя недостатки «программного характера больших столичных музеев», проистекавшие из «полного отсутствия начала согласованности или общего руководства во имя целей более широких, общегосударственных» [Там же. Л. 18], в качестве одного из наиболее вопиющих примеров в своем докладе «Дирекция национальных музеев» [Там же. Л. 11–36: автограф, датированный 16 мая 1917 г.] приводил случай, напрямую связанный с этнографическими музеями: передачу Петровской галереи академическому Музею антропологии и этнографии. По его мнению, в Петрограде и Москве на основе уже существующих музеев и коллекций должен был быть создан ряд «национальных музеев», концентрирующих все основные материалы по той или иной научной теме. Свое место среди таких музеев должны были занять и хранилища этнографических материалов.

Общий перечень национальных музеев в итоге приобретает следующий вид. В Петрограде: 1) Эрмитаж; 2) Русский музей Императора Александра III (состоящий из трех отделов: а) русского искусства, б) этнографии России, в) историко-бытового отдела); 3) Музей этнографии и антропологии (вычеркнут); 4) Музей военно-исторический; 5) Музей археологический (как особый музей или отдел Эрмитажа); 6) Дворцы-музеи. В Москве: 1) Музей исторический (археология, историко-бытовой отдел); 2) Румянцевский музей (искусство, этнография); 3) Оружейная палата; 4) Церковный музей; 5) Дворцы-музеи. Учреждаются в Москве или Петрограде: 1) Музей восточных древностей, 2) Музей азиатско-исламского искусства [9. Л. 33–34].

Более детально проблематика этнографических собраний была охарактеризована в уже упомянутом выше докладе Н.М. Могилянского. Рассматривая этот вопрос в контексте функционирования именно центральных музеев, автор отмечал, что стремился «представить соображения о том месте, которое может и должно быть предоставлено в таких музеях этнографии или, точнее сказать, объектам этнографическим» (Здесь и далее в цитатах авторские орфография и пунктуация сохранены) [Там же. Л. 61]. Идейной целью такого музея он признавал «дать объективированную историю человеческой мысли и творчества», а практической целью – «сохранение для будущего подлинных, материальных объектов человеческой культуры» [Там же].

Такой музей может быть представлен двумя типами: во-первых, это большой центральный музей мировой этнографии, где «народы России представлены как входящие в целое мировой культуры»; во-вторых, специальный национальный музей, где представлены «народы государственной территории, как себе довлеющая часть музея мировой культуры». В Петрограде есть музеи и того и другого типа, поэтому, заключает Могилянский: «Можно представить себе и даже считать вполне логичным соединение таких музеев в один общий Музей Этнографии». Примером такого соединения он считает московский Румянцевский музей [Там же. Л. 62], в котором действительно были представлены коллекции как по российской, так и по зарубежной этнографии. Таким образом, уже в самом начале обсуждения проблемы автор обращается к вопросу объединения этнографических музеев двух выделенных им типов в один. Как разрешается им этот вопрос? Риторика текста позволяет утверждать, что весьма неоднозначно. Характеризуя материалы, отложившиеся в делах музейной подкомиссии, следует отметить, что они в определенной степени носили чистовой характер, представляя собой практически подготовленную к печати рукопись.

4 июля 1917 г. Комиссару над Министерством двора было направлено письмо, в котором сообщалось, что еще в марте при Институте была образована «Комиссия по разработке вопросов, связанных с устройством художественной жизни России». К данному времени были закончены работы комиссии в части охраны художественных и археологических памятников и организации музейного дела, ведшиеся

под председательством академика М.И. Ростовцева и профессора Ф.Ф. Зелинского. Комиссия была готова представить свои материалы комиссариату для напечатания за государственный счет [10. Л. 3].

Тем более показательно, что из всех сохранившихся докладов именно этот текст Могилянского и именно в части, посвященной объединению двух этнографических музеев, содержит чуть ли не самую значительную правку. В машинописи первого предложения этой части утверждалось: «...следует несомненно высказаться за объединение этнографических объектов в одном музее в принципе». После правки слово «несомненно» было зачеркнуто, а вместо него карандашом оказалось вписано «а priori соблазнительно» [9. Л. 63], что уже меняло общий характер излагаемого далее материала.

Здесь важным представляется сделать несколько замечаний относительно археографических особенностей анализируемого архивного документа. На всех листах доклада в верхнем правом углу имеется машинописная пагинация. Единственным исключением является лист 64. Текст на нем начинается со слова «необходимо», первая буква которого исправлена карандашом с прописной на строчную. Текст этого листа явно разбивает текст, содержащийся на листах 63 и 65. Вероятно, этот лист был напечатан позже и затем приложен к докладу, хотя без сомнения и самим автором: совпадают и формат листов, и шрифт использованной пишущей машинки. Здесь приводятся аргументы против объединения двух петроградских музеев этнографии, «за разделение этнографических объектов между двумя музеями». Аргументы эти двух типов: с одной стороны, они апеллируют к сфере общекультурной, напоминая, что «не нужно нарушать слишком резко сложившихся культурных традиций и создавшихся комплексов», и признавая стремление «разрушать и начинать строить заново» «чертой национальной психологии», с которой стоит всячески бороться. Не проговаривая этого прямо, автор явно имеет здесь в виду значимость музейной коллекции как культурного объекта с собственной историей и особым местом среди прочих культурных традиций. С другой же, имеют в виду вопросы методологического характера, связанные с тем, что «собираение объектов всемирной этнографии и быта национального требует разной постановки практической и разной программы деятельности». Причем еще раз подчеркнем, что эта сторона аргументации остается совершенно неразработанной и не детализируется.

Итогом данных рассуждений становится призыв автора: «Побольше уважения к культурным традициям!».

Определяя значение этнографических коллекций для проведения исследований, Могилянский замечал: необходимо, чтобы такие коллекции «находились в непосредственной близости и тесной, органической связи» с коллекциями археологическими и историческими, ведь без «археологических данных этнография не имеет исходных пунктов и многие этнографические факты необъяснимы без света истории». Имеющееся положение дел не удовлетворяет этим требованиям: в Петрограде есть два музея этнографии, которые целиком повторяют программу собирания Сиби-

ри, археологического музея нет, исторического тоже нет, Петровская галерея «неизвестно по каким логическим основаниям» передана в Музей общей этнографии [9. Л. 63]. В Москве ситуация не многим лучше.

Вновь возвращаясь к современному положению дел, ситуацию в музейном мире Могилянский характеризует следующим образом: «...в этот хаос и бесхозяйственное ведение дела необходимо, прежде всего, ввести общий план и систему». Это тем более важно, «что нетерпимое положение многих музеев и стремление каким бы то ни было путем выбиться к новым, более благоприятным условиям существования, вызывает иногда скороспелые, грандиозные проекты, вроде, напр. проекта учреждения в Москве Романовского Музея, составители которого не считались ни с какими объективными условиями нашей действительности. Требовалась огромная затрата энергии, чтобы ввести этот проект на нормальный путь критического обсуждения и, без того небольшие силы музейных деятелей Москвы и Петрограда оторваны были на долгое время от своей практической работы» [Там же. Л. 65]. Речь здесь идет о возникшем в связи с праздновавшимся в 1913 г. 300-летием царствования Романовых проекте создания нового национального музея – монументального памятника правящей династии, который предполагалось создать на основании перетасовки коллекций уже существующих музеев. Поддержанный властными структурами, проект этот вызвал серьезную критику со стороны ученых и музейных деятелей и в итоге был отвергнут [11].

Таким образом, имея перед глазами пример масштабного музейного проекта, не опирающегося на прочное научное основание, Могилянский явно предполагает наличие такой основы для предложенного чуть ранее объединения этнографических музеев Петрограда, однако в чем именно должно оно заключаться, так и остается не ясным. Никакой научной базы возможному слиянию музеев автор доклада не предлагает. Более того, предпочитая в начале доклада говорить не об этнографии, а об «объектах этнографических», Могилянский как бы стремится и вовсе избежать теоретических рассуждений, связанных с проблемой этнографии как научной дисциплины, и, вероятно, не случайно.

Размышляя о структуре управления музейным делом, подробная характеристика которой выходит за проблемные рамки нашей статьи, Могилянский, однако, делает весьма любопытные замечания, позволяющие лучше понять особое место, занимаемое этнографическими предметами в музейном пространстве начала XX в. С одной стороны, он убежден, что национальные, большие центральные музеи Империи должны иметь особую дирекцию или управление. С другой же стороны, вопрос о подчиненности этой дирекции оказывается напрямую связанным и с вопросом о характере этнографических предметов. Куда следует отнести этнографические коллекции? Для тех, «кто признает желательным учреждение нового ведомства из Министерства изящных искусств, естественно музеи этнографии зачисляются по ведомству изящных искусств», ведь в таких коллекциях «мы на каждом шагу встречаемся с объектами художествен-

ного творчества человека». Но это ошибка, так как такое эстетическое измерение – лишь одна сторона быта, «для объективного исследователя всего комплекса культурных явлений лишь часть целого» [9. Л. 66]. По мнению Могилянского, «Музеи, посвященные научным дисциплинам, должны необходимо сохранить связь с высшей государственной школой и академической жизнью вообще», поэтому и управление ими должно быть передано реформированному Министерству народного просвещения [Там же. Л. 67].

Таким образом, этнографические предметы рассматриваются здесь в первую очередь не как эстетические объекты, а как источники для научного познания. Их промежуточное положение в музеях рубежа веков демонстрирует, среди прочего, определенную слабость и незавершенность формирования этнографии как самостоятельной научной дисциплины. К ней же отсылает и настойчивое соединение в единый проблемный блок этнографического, исторического и археологического материала – категорий, каждая из которых уже отделяется от других, но одновременно продолжает рассматриваться как познаваемая лишь в комплексе (ср. выше: без «археологических данных этнография не имеет исходных пунктов и многие этнографические факты необъяснимы без света истории»).

Как видим уже весной-летом 1917 г. проблема объединения двух этнографических музеев Петрограда рассматривалась самими представителями музейного сообщества как одна из весьма актуальных и важных. Однозначного и единодушного ответа относительно целесообразности такого объединения у специалистов не было. Но, вероятно, верх брала осторожность: в материалах, подготовленных для передачи правительственным органам, охранительная позиция сохранения status quo доминировала.

Идея перетасовки исторически сложившихся коллекций и создания новых, научно обоснованных музейных собраний, однако, высказывалась многими музейными работниками весьма четко. А.М. Решетовым была опубликована подготовленная директором Музея антропологии и этнографии Академии наук академиком В.В. Радловым записка об образовании единого музея антропологии, этнографии и археологии [Там же. С. 82–85]. Судя по упоминанию в ней временного правительства, время ее составления может быть отнесено к тому же самому 1917 г. В записке содержится проект объединения двух этнографических музеев Петрограда под эгидой Академии наук, причем Музей Александра III именуется не иначе как «аномалией» [12. С. 84]. Вполне возможно, что составление данного документа связано было с деятельностью институтской комиссии, в которой, как мы видели, сотрудники данной «аномалии» играли весьма активные роли, а сотрудников академического музея не было вовсе.

Реальные условия для попыток ее реализации появились вскоре после Октябрьской революции. Уже на Первой всероссийской конференции по делам музеев, проходившей в Петрограде зимой 1919 г., была озвучена идея создания единого Национального музейного фонда, задачей которого признавалось «обес-

печение большей стройности и целесообразности в деле распределения сокровищ искусства и старины по всем русским музеям, как центральным, так и местным, согласно разработанному государственному общему музейному плану». Причем отмечалось, что «все коллекции ныне существующих русских музеев должны быть рассматриваемы так же, как составная часть Национального Музейного Фонда» [13. С. 77]. С рядом программных докладов на этой конференции выступил все тот же А.А. Миллер, говоривший и о государственных музеях вообще, и о центральном археологическом музее в частности.

Обсуждением этих вопросов на конференции дело не ограничилось. 2 августа 1920 г. состоялось постановление Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины об объединении «на научном принципе» Русского музея и Эрмитажа для создания «единого центрального художественно-исторического музея мирового искусства». В этой связи на базе Академии наук была создана особая комиссия, целью которой было определено разрешение вопроса – «в какой степени было бы возможно выполнить эту задачу без существенного нарушения интересов обоих музеев и какие для этого надлежит принять меры» [14. Л. 1]. В архивных материалах, прежде, насколько мы можем судить, не привлекавших внимания исследователей, отражение нашли 5 заседаний этой комиссии, состоявшихся с 7 по 23 августа 1920 г. В протоколах разных заседаний комиссия называется по-разному: заседание 7 августа 1920 г. – Комиссия по объединению Русского музея с вновь учреждаемым Музеем мирового искусства [Там же], 11 августа 1920 г. – Комиссия по организации центральных музеев [Там же. Л. 3], 13, 16 и 23 августа – Комиссия по объединению центральных музеев [Там же. Л. 6, 10, 12]. На всех заседаниях председателем был известный антиковед, член-корреспондент Академии наук С.А. Жебелев. В число членов комиссии входили представители академического сообщества (непременный секретарь Академии С.Ф. Ольденбург, академик Н.Я. Марр), музейного мира (директор Эрмитажа С.Н. Тройницкий, директор Русского музея А.А. Миллер), новой власти (заведующий Музейным подотделом Отдела музеев С.К. Исаков, заведующий петроградским отделением ИЗО Наркомпроса, недавний комиссар крупнейших музеев города Н.Н. Пунин, Г.С. Ятманов). 11 августа к ним присоединились Л.Я. Штернберг и М.Б. Каплан, один из создателей и будущий первый директор петроградского Музея революции.

Уже второе заседание комиссии 11 августа было «посвящено вопросу об устройстве единого центрального этнологического музея» [Там же. Л. 3]. И это не случайно. Уже на заседании Коллегии, состоявшемся 2 августа, по инициативе Н.Я. Марра было «в принципе разрешено разделить центральные музеи на два типа: научно-художественный и этнологический» [15. С. 180].

Первым, в связи с тем что «в целях создания такого музея предположено объединить музей этнографии и антропологии при Академии наук и этнографический отдел Русского музея», слово взял Л.Я. Штернберг. Он отметил: «Когда создавался этнографиче-

ский отдел музея Александра III, то Академия Наук смотрела на него, как на ненаучное предприятие и считала, что отдел этот служит частью в известной области того “мавзолея”, который устраивался в память Александра III и что задачей его явится собирание русской или славянской этнографии. Между тем оказалось, что оба музея, находясь в одном городе, вели одну и ту же работу, собирали на один и тот же источник, те же материалы вплоть до археологии и создавали т. образом нежелательную конкуренцию <...> Ясно, что в существовании особого музея, помимо всяких принципов, надобности не имеется; после революции подобная аномалия продолжала существовать <...> Енисейские остояки несмотря на их малочисленность так же важны, как и русские народности, деление может быть только этнологическое, сама же эволюция культуры неделима. На таких началах, нисколько не умаляя значения славянской культуры, защищать объединение возможно».

Фактически здесь была повторена та же самая точка зрения, которую несколькими годами раньше выдвигал и В.В. Радлов, заместителем которого во главе академического музея был Штернберг. Показательно, что совпадение присутствует не только на уровне риторики и прагматики текста, но и на уровне лексики – вновь встречается то же самое определение Этнографического отдела как «аномалии». Более того, и дальнейший ход мысли Штернберга был чрезвычайно близок идеям Радлова: по его мнению, так как эволюция культур начинается со времен доисторических, будущий объединенный, но академический музей должен включать в себя разделы не только по этнографии, но также и по археологии и по антропологии. Это должен быть «единый этнологический музей на широких началах и на базе эволюции; в музей этот должны войти культуры всех народов, местные коллекции могут войти в него, но без особых преимуществ» [14. Л. 3–3 об.].

Резко против данной Штернбергом характеристики Этнографического отдела Русского музея выступил Миллер. Он иначе интерпретировал историю его создания и основную научную задачу этнографического музея как такового: «Основной задачей было исполнить долг перед Россией и подробно изучить свой русский материал, вполне достижимый для изучения и мало исследованный. Нельзя отрицать, конечно, существовавшей нежелательной конкуренции с музеем Академии Наук <...> Но едва ли можно считать эволюцию прямой задачей музея. На эволюцию надо смотреть как на результат, нужно же показать статику положения народов; идя по этому плану, следует изучать историю сложения предметов, следить за видоизменением формы». Относительно задач будущего объединенного музея Миллер заметил, что «задачей его является – материальная культура всех народностей, но народности России должны быть изучены подробнее» [Там же. Л. 4].

Кроме того, он указал, что к области интересов музея должна быть отнесена и «бытовая форма», «быт города и усадьбы», что было вполне естественно для директора музея, в котором чрезвычайно активно начал развиваться как раз Историко-бытовой отдел.

Это вызвало возражения Штернберга, по мнению которого «трудно будет в этом случае выйти из затруднения при создании исторического музея, и здесь надо будет провести известную грань». Поддержал его по этому вопросу и Жебелев, утверждавший, что «подход к этнографии и этнологии должен быть иной, чем к быту; во всяком случае, трудно на практике было бы создать материал по мировому быту и внесение быта в этнологический музей обесцветит его и потому бытовой музей должен быть самодовлеющим».

«Соперничеством» с историко-бытовой проблематикой дело, однако, не ограничивалось. Существовала и еще одна трудность: проблема разделения сфер влияния такого музея и музея художественного. На нее указал Пунин, заметивший, что «нельзя целиком вносить в музей доисторическую археологию, т.к. часть ее принадлежит художественному музею». Это замечание было принято Миллером, пояснившим, что «в области этнографии трудно указать предметы, которые не имели бы и характера художественного творчества; в области быта проводить грань нелегко» [14. Л. 4]. Вновь на повестку дня встала та же самая проблема эстетического измерения этнографических предметов, которая озвучивалась в 1917 г. Могиланским.

Дело запутывалось еще больше, так как Пунин заметил, что «собственно науки быта нет, и где грань между археологией и бытом»? Понимая возможность многочисленных конфликтов музеев из-за конкретных предметов, Жебелев предложил руководствоваться следующим принципом: «...если данная вещь отражает искусство данной эпохи, то отнести ее к художественным предметам <...> важно установить, какая сторона доминирует и деление в этом случае производить надо весьма осторожно» [Там же]. Еще одно опасение высказал и Штернберг, заметивший, что внесение в программу музея слова «быт» «означало как бы исключение искусства, религии; между тем нельзя представить себе культуру без религиозного содержания», кроме того, для этнографического музея очень важно иметь дублиеты, в то время как художественный музей может ограничиться и небольшим количеством предметов. Подводя итог этой части обсуждения, председатель заключил, что в комиссии «не встречается возражений к образованию на принципе научной базы единого музея мирового искусства и единого музея мировой этнографии». Поэтому следует перейти к вопросу, непосредственно связанному с самой практикой строительства этих музеев [Там же].

Центральным здесь был признан вопрос о взаимоотношениях музеев с Академией истории материальной культуры, так как решением Коллегии в жизнь должно было быть проведено не просто создание центральных музеев, но и их объединение с научными учреждениями, правда, «на началах автономности» [15. С. 180]. По мнению Штернберга, «заведывание всем музейным делом в России должно принадлежать названной Академии», поэтому необходимо создать комиссию «для выработки принципов и плана музейного строительства». В дальнейшем обсуждении явно наметились две противоположные тенденции: с одной стороны, Ольденбург, вероятно выражая мнение представителей академического мира, отмечал, что «вопросы о переноске и перевозке трактовать сейчас несвоевременно. Надо установить принципы: хранения, выставления, изучения, создания воспитательного материала, не затрагивая территориальных вопросов». С другой стороны, Ятманов, как представитель новой власти, призывал «приняться за немедленное осуществление этих постановлений на практике и для начала составить нужные сметы», иначе получается, что все вопросы, поднятые на обсуждении, комиссия считает «подлежащими обсуждению лишь в теории». Ольденбург повторил свое утверждение о том, что «первым делом является установление принципов собирания, исследования и демонстрации материала, а вторым – составление смет». Фактически поддержал его и Миллер, указавший «на трудности осуществления на практике объединения музеев» [14. Л. 5–5 об.].

В итоге на следующем заседании решено было обсудить вопрос о научной, просветительской и преподавательской деятельности музеев, так как, по словам Миллера, прежде чем начинать объединение, следовало бы «выяснить, какой фундамент надо закладывать». Больше, сколько можно судить по выявленным на данный момент материалам, проблема создания единого этнографического музея комиссией не обсуждалась.

Фактически создание данной комиссии было непосредственной попыткой реализовать то, что на Первой всероссийской музейной конференции 1919 г. было обозначено как соединение в руководстве музейным делом «элементов власти и компетентной силы». Во многом здесь уже стали очевидны ограничения и трудности такого сотрудничества: власть стремилась к действиям, а «компетентная сила» предпочитала начать *ab ovo*, с обсуждения принципов и, по сути дела, путем таких затяжек отсрочить революционные преобразования музейного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953. 240 с.
2. Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). Л., 1978. 286 с.
3. Турьинская Х.М. Этнографическое музееведение в России в конце XIX – начале XX вв. М., 2008. 313 с.
4. Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). СПб., 2012. 832 с.
5. Разгон А.М. Этнографические музеи в России (1861–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. Вып. 3. С. 231–268.
6. An Empire of Others. Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR / ed. by R. Cvetkovsky, A. Hofmeister. Budapest, 2014. 414 p.
7. Ананьев В.Г. К вопросу о периодизации музеологии // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 2. С. 38–42.
8. Центральный государственный музей литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 82. Оп. 1. Д. 7.
9. ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 9.

10. ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 11.
11. Ананьев В.Г. Музейная деятельность Н.П. Кондакова и проект Национального музея к 300-летию дома Романовых // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 3. С. 219–226.
12. Решетов А.М. Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 1. С. 75–85.
13. Сундиева А.А. История одной декларации // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300-1. С. 74–78.
14. Санкт-Петербургский фонд Архива РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 8.
15. Журналы заседаний Совета Эрмитажа. СПб., 2001. Ч. II: 1920–1926 годы. 880 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 мая 2017 г.

“MORE RESPECT TO THE TRADITIONS OF CULTURE” OR “CHAOS AND MISMANAGEMENT”: UNREALIZED PLANS OF ETHNOGRAPHY MUSEUMS MERGER IN PETROGRAD (1917–1920)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 421, 66–71.

DOI: 10.17223/15617793/421/9

Vitaly G. Ananiev, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.ananev@spbu.ru

Keywords: museum; museology; ethnography; N.M. Mogilyansky; A.A. Miller; L.Ya. Sternberg.

The article, on the basis of little-known archival materials from the archives of St. Petersburg (Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg and St. Petersburg Branch of Archive of the Russian Academy of Sciences) that previously did not attract the attention of researchers, analyzes the unrealized plans of transformation of ethnography museums of Petrograd (Museum of Anthropology and Ethnography and the Ethnographic Department of the Russian Museum). The first draft of the transformations is connected with the activities of the conference on problems of museology and monuments protection which assembled in the spring and summer of 1917 at the Institute of Art History. This project was announced at one of the meetings of the conference by Nikolay Mogilyansky. Alexander Miller took an active participation in the meeting. There was no unequivocal and unanimous response regarding the advisability of merging ethnography museums. But, probably, the main position was the position of careful watching. In materials prepared for the transfer to governmental authorities, the security position of preserving the status quo prevailed. The second project is connected with the work of the Commission on the Unification of Museums that operated at the Academy of Sciences in the summer of 1920. The issues of the reformation of ethnography museums were raised in the report of Lev Sternberg. Sergey Zhebelev, Alexander Miller, Sergey Oldenburg, Georgy Yatmanov and others took an active part in the discussion. Concrete plans, supported by the new government, were not implemented. The representatives of the old intelligentsia did not hurry to put the revolutionary ideas into practice. But some of the ideas expressed in this Commission are likely to have been associated with the ideas of the prominent orientalist and Director of the Museum of Anthropology and Ethnography Vasily Radlov, expressed back in 1917. The first All-Russian conference on museum problems (February 1919, Petrograd), which proclaimed a large-scale program of unification and centralization of the collections of the museums, may be regarded as a mediator between these initiatives. Authors of some reports claimed that the collections of all Russian museums should be seen as part of a general National Museum Fund. On the one hand, these discussions can be interesting as a reflection of ethnographic concepts and approaches of that era, and, on the other hand, as an evidence of certain continuity of museological ideas existed before and after the Revolution. Understanding of all museum collections in Russia as a single fund, which can be tailored based on scientific principles, was typical for the revolutionary government after 1917. But it cannot be entirely considered as the invention of this new government and its supporters. A significant role in shaping these ideas belonged to representatives of the old intelligentsia who voiced similar ideas before the October Revolution.

REFERENCES

1. Stanyukovich, T.V. (1953) *Kunstkamera Peterburgskoy akademii nauk* [Kunstkammer of the Petersburg Academy of Sciences]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Stanyukovich, T.V. (1978) *Etnograficheskaya nauka i muzei (po materialam etnograficheskikh muzeev Akademii nauk)* [Ethnographic science and museums (based on the materials of ethnography museums of the Academy of Sciences)]. Leningrad: Nauka.
3. Tur'inskaya, Kh.M. (2008) *Etnograficheskoe muzeevedenie v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Ethnographic museum studies in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Moscow: IEA RAS.
4. Dmitriev, S.V. (2012) *Fond Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeya po kul'ture narodov zarubezhnogo Vostoka: istoriya formirovaniya i sud'ba (1901–1930-e gg.)* [The fund of the Ethnographic Department of the Russian Museum on the Culture of the Peoples of the Far East: History of Formation and Fate (1901–1930)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology.
5. Razgon, A.M. (1961) *Etnograficheskie muzei v Rossii (1861–1917 gg.)* [Ethnographic museums in Russia (1861–1917)]. In: Kogan, E.S. (ed.) *Ocherki istorii muzeynogo dela v Rossii* [Essays on the history of museum business in Russia]. Vol. 3. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
6. Cvetkovsky, R. & Hofmeister, A. (eds) (2014) *An Empire of Others. Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR*. Budapest: Central European University Press.
7. Anan'ev, V.G. (2013) K voprosu o periodizatsii muzeologii [On the periodization of museology]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*. 2. pp. 38–42.
8. Central State Museum of Literature and Art of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 82. List 1. File 7. (In Russian).
9. Central State Museum of Literature and Art of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 82. List 1. File 9. (In Russian).
10. Central State Museum of Literature and Art of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 82. List 1. File 11. (In Russian).
11. Anan'ev, V.G. (2012) Muzeynaya deyatel'nost' N.P. Kondakova i proekt Natsional'nogo muzeya k 300-letiyu doma Romanovykh [Museum activity of N.P. Kondakov and the project of the National Museum for the 300th anniversary of the Romanovs' house]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 154:3. pp. 219–226.
12. Reshetov, A.M. (1995) *Vasilij Vasil'evich Radlov. Kur'er Petrovskoy Kuntakamery*. 1. pp. 75–85.
13. Sundeieva, A.A. (2007) Istoriya odnoy deklaratsii [History of a declaration]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 300-1. pp. 74–78.
14. St. Petersburg Fund of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 2. List 1 (1920). File 8. (In Russian).
15. Piotrovskiy, M.B. (ed.) (2001) *Zhurnaly zasedaniy Soveta Ermitazha* [Journals of meetings of the Hermitage Council]. Vol. 2. St. Petersburg: Izdvo Gos. Ermitazha.

Received: 16 May 2017